

Уолт Уитмен
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ
ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Истинные поэты — всегда провидцы и пророки. Они чувствуют за многих людей, сливаются душой со всеми существами, умственно присутствуют в прошлом, настоящем и будущем. Если они чутки вообще, великие эпохи перелома и преобразования действительности в особенности притягивают их мысль к себе и, магнетически очаровав их, бросают в их творчество свои знамения, отсветы своих грядущих пожаров, первые проблески своих готовящихся, жемчужных и алых, ласковых и грозных, зорь.

То, что совершается в наши дни, пробуждение рабочих всех стран, выступление на первое место мировой сцены тех, кого история упорно в течение столетий и тысячелетий отодвигала на задний план, ясно предчувствовалось многими поэтами, но, быть может, никто так ярко и полно не выразил своих предчувствий, как полстолетия тому назад американский поэт освобожденной цельной личности, Уольт Уитман, в таких своих песнях, как «Годы Современности», «Для тебя, о, Демократия», «Европе», «Громче ударь, барабан», — и столетие тому назад английский поэт-пантеист, нежнейший сладкопевец Шелли, в своих философских поэмах «Царица Маб», «Лаон и Цитна», «Освобожденный Прометей».

«Поэт — это соловей, который поет в темноте», — говорит Шелли («В защиту поэзии»). Когда другие спят и не видят, он видит красоту и поет, он ощущает великое и поет и в пеньи предсказывает. «История частична, — говорит Шелли. — Поэзия есть нечто всеобъемлющее. Поэзия это — молниенос-

ный меч, всегда обнаженный, всегда уничтожающий ножны, которые хотели бы его удержать. Поэты — это стекла зеркал, отражающих гигантские тени, которые грядущее, приближаясь, бросает на настоящее; боевые трубы, своим пением возглашающие битву».

Поэзия Уитмана, более, чем кого-либо из европейских и американских поэтов, есть поэзия мятежного и освобожденного человека, который, будучи рабочим, вздымающим свой творческий молот, сознает себя владыкой планеты Земля и громко возвещает светлое торжество Сознательного Человеческого Лица.

К. Бальмонт

*Москва,
13 февраля 1920 г.*

ОДНОГО ВОСПЕВАЮ Я...

Одного воспеваю я, личность простую, отдельную,
Но слово мое — для Народа, мой лозунг — для Всех.

О теле живущем пою, с головы и до ног.
Не только лицо и мозг достойны, сказала мне Муза.
Много достойнее Тело в своем завершении,
И Женщину я наравне воспеваю с Мужчиной,
О жизни безмерной в биении, во власти и страсти,
Веселой, для вольных деяний, по законам божественным
созданной.

Я пою,
Человека пою наших Дней.

КОГДА РАЗМЫШЛЯЛ Я В МОЛЧАНЬИ...

Когда размышлял я в молчаньи,
К поэмам моим возвращаясь и думая, медля так долго,
Призрак предстал предо мной, недоверчивый с виду,
Страшный в своей красоте, возрасте, власти,
Гений певцов старых стран,
Ко мне обращая глаза, подобные пламени,
Своим указуя перстом на многие песни бессмертные.
«Что поешь? — угрожающим голосом мне он сказал, —
Иль не знаешь, что есть лишь единственный замысел
Для бардов живущих во век?»

Говорить о Войне, о превратностях битв,
Совершенных готовить солдат».
«Так да будет, — я молвил в ответ, —
О, надменная Тень, я ведь тоже войну воспеваю,
И длиннее она и величественней всех других,
Начата она в книге моей, с переменной удачей,
С наступлением, с бегством, с движеньем вперед,
с отступленьем,
С проволочкой в победе, с еще нерешенной победой,
(Хоть она достоверна, как кажется мне, иль почти
достоверна,
Как я вижу в конце концов),
Поле битвы есть мир.
Не на жизнь, а на смерть эта битва за Тело и вечную Душу,
Вот, явился и я, чтобы петь песню битв,
И я прежде всего поощряю
Смелых солдат».

ПЕРВОЗАДАТЕЛИ

Как они нужны Земле, появляясь на ней с перерывами,
Как дороги, страшны они для Земли,
Как приходится им приучаться к себе и к любому,
Каким парадоксом им кажется собственный век,
Как народ отвечает им, все ж их не зная,
Как есть в их судьбе что-то страшное, неумолимое
Во все времена,
Как все времена дурно всегда выбирают предметы наград
и ласкательств,
И как та же великая ценность должна быть
Куплена снова такую же неумолимой ценой.

К ШТАТАМ...

К Штатам или к какому-либо из них, или к какому-либо
городу Штатов: —
«Противьтесь много, повинуйтесь мало».
Раз без вопроса повиновенья, — полное рабство.

Раз полное рабство, — ни один народ, ни одно государство,
Ни один — единственный город на этой Земле —
Никогда не получит обратно свободы своей.

Я НЕПОКОЛЕБИМЫЙ...

Я непоколебимый, я непринужденно стоящий в Природе,
Владыка всего, или владычица всего, уверенность среди
вещей не рассудительных,
Насыщенный, как и они, покорный, восприимлющий,
молчащий, как они,
Увидевший, что труд мой, бедность, известность, слабости
и преступленья
Не столь, как почитал я, важны,
Я возле Мексиканского залива, или в Маннагатте,
или в Теннесси,
Или далеко на Севере, или в глубине страны,
Я, человек речной, или в лесах живущий, или где-нибудь
на ферме,
Или побережья, на озерах ли, в Канаде,
Где б жизнь моя ни проходила, —
О, только б в саморавновесьи быть для всех случайностей,
Чтоб встретить ночь лицом к лицу, и бури, голод,
Несчастья, удары, посмеянье,
Как это делают деревья и животные.

Я СЛЫШУ АМЕРИКУ ПОЮЩУЮ...

Я слышу Америку поющую, разные слышу я песни,
Песни ремесл, каждый поет свою песню сильно и весело,
Плотник поет свою песню, меряя доску или бревно,
Каменщик песню поет, готовясь к работе или работу свою
оставляя,
Лодочник песню поет о том, что ему надлежит в его лодке,
Палубный песню поет на своем пароходе, на палубе,
Сапожник поет, сидя на лавке, шляпочник стоя поет,
Слышу я песнь дровосека, юношу пахаря, утром за плугом
идушего,

Или в полдень. когда прерывает работу он, или в вечерний
час,
Нежное пение матери, или юной жены за работой,
Или девушки, между тем как стирает она или шьет,
Каждый поет о своем, о том, что его, иль ее, и больше ничье.
Днем, что дню надлежит, а ночью дружная кучка сильных
товарищей
Поет открытыми ртами свои сильные звучные песни.

ГДЕ ГОРОД В ОСАДЕ?..

Где город в осаде, что тщетно старается снять
Осаду врагов?
Вот, я посылаю в тот город вождя.
Он смел, он проворен, бессмертен,
И конница с ним, и пехота, обозы орудий,
И возле орудий стрелки, страшнее всех бывших доселе.

ВСЕ ЖЕ, ХОТЬ Я И ПОЮ ОДНОГО...

Все же, хоть я и пою одного,
(Одного, кто однако же весь — противоречье),
Я посвящаю песни — Народности,
Я в нем мятеж оставляю
(О, сокровенное право возмущенья! О, непогасимый,
необходимый огонь!).

ПОЭТЫ ГРЯДУЩИЕ...

Поэты грядущие, ораторы, певцы, музыканты грядущие,
Не сегодня меня оправдывать, и отвечать, за что я стою,
Но вы, новое племя, естественное, атлетическое,
К материкам относящиеся, большим, чем те, что доселе
ведомы были,
Восстаньте, ибо вы должны оправдать меня.
Сам я пишу всего лишь два-три указующих слова
для будущего,

Я выхожу вперед лишь на миг, чтоб вдруг повернуть
и быстро исчезнуть во тьме,
Я человек, который, блуждая, чуть-чуть задержав свой шаг,
Обращает к вам мимолетный взгляд и затем отвращает лицо
свое,
Предоставляя вам рассмотреть это, точно означив,
От вас ожидая главного.

К ТЕБЕ

Незнакомец, коль ты, проходя, повстречаешь меня,
И со мной говорить пожелаешь,
Почему бы тебе не начать разговора со мной?
Почему бы и мне не начать разговора с тобою?

К ЧИТАТЕЛЮ

В тебе, читатель, трепещут жизнь, гордость, любовь
те же самые, что и во мне,
Потому для тебя эти песни.

ДЛЯ ТЕБЯ, О, ДЕМОКРАТИЯ

Сюда, я создам материк неразрывный,
Я создам самый блестящий народ, на какой когда-либо
Солнце сияло,
Я создам магнетически-дивные страны,
Любовью товарищей,
На жизнь — любовью товарищей.
Я насажду товарищество густое, как чаща деревьев вдоль
течения рек Америки,
И вдоль берегов великих озер, и по всем неоглядностям
прерий,
Я создам города неразлучные с их руками, объявшими
каждую шею,

Силой любви товарищей,
Мужскою любовью товарищей.

Для тебя от меня они, о, Демократия, чтоб служить тебе,
о, жена моя.
Для тебя, для тебя они все, эти песни звенящие.

ОСНОВА ВСЕХ МЕТАФИЗИК

Ну-с, государи мои, а теперь я скажу вам
Слово, которому в памяти нужно остаться,
Слово, в котором основа для всех метафизик.
(Так говорит пред студентами старый профессор,
Курс заключая, который весьма посещался.)

Древние все изучивши и новые также системы,
Греческих всех мудрецов, и философов также германских,
Канта вполне рассмотрев, Шеллинга, Гегеля, Фихте,
Знание Платона, Сократа, который превыше Платона,
Мудрость божественных слов Христа, что прекрасней
Сократа,

Вижу я в памяти ныне системы германцев и греков,
Вижу философов всех, христианские церкви и веры,
Но за Сократом я вижу, за ликом Христовым я вижу
Нежность любви человека к собрату людскому,
Вижу привязанность друга к любимому другу,
Вижу согласно-венчаных супруга с супругой,
Вижу детей и родителей, связанных нежной любовью,
С городом город в союзе, страну со странюю.

КАПАЙТЕ, КАПЛИ...

Капайте, капли, оставляйте вены мои голубые,
О, капли меня, медленные капли сочитесь,
Чистосердечно от меня отпадая, капайте, капли кровавые,
Из ран нанесенных, чтоб волю вам дать, на полю из плена
вас выпустить,
Из лица моего, изо лба моего и губ,

Из груди моей, изнутри, где я был сокрыт,
Вытесняйтесь, красные капли, исповедальные капли,
Запятняйте страницу каждую, запятняйте каждую песню,
которую я пою,
Кровавые капли,
Дайте узнать им ваш алый жар, дайте блистать им,
Насытите их вами, стыдными, мокрыми,
Сияйте над всем, что я написал или что еще напишу,
кровавые капли,
В вашем свете да будет все видно, капли румяно-красные.

Я СЛЫШУ, МЕНЯ ОБВИНЯЮТ...

Я слышу, меня обвиняют, что я подрываю основы,
На самом же деле не против основ я и не за основы,
(Что общего в самом деле с ними есть у меня? или что
с разрушением их?)
Я хочу лишь одно учредить в Маннагатте и в городе каждом
Соединенных Штатов,
Внутри страны и на море,
На полях и в лесах, и над каждым килем большим
или малым, бороздящим воду,
Без учреждений и правил, ручательств или доказательств,
Основу нежной любви товарищей.

В ЭТО МГНОВЕНЬЕ...

В это мгновение, когда я один полон мысли и грусти,
Кажется мне, что другие есть люди там в странах других,
Так же, как я, одинокие, полные грусти и мысли,
Кажется мне, что гляжу я и ясно их вижу,
Всюду, в Германии, Франции или Италии,
Видю в Испании, дальше, в Китае, в России
Речь их другая, и кажется мне, что, когда бы
Мог я узнать их, я так же бы к ним привязался,
Как я привязан к живущим в краях мне родимых,
Знаю, мы были бы братьями, были б друзьями,
Знаю, наверно, я счастье бы с ними узнал.

МЫ ДВОЕ МАЛЬЧИШЕК...

Мы двое мальчишек, друг к другу мы льнем,
Друг друга не бросим, и вместе идем,
Направо, налево, на Юг и на Север,
Мы сильны, и локти умеем расставить,
И пальцы умеем сжимать,
Оружие с нами, и нет с нами страха,
Едим мы, и пьем мы, и спим мы, и любим,
Один нам закон есть, закон тот мы сами,
Пловцы мы, солдаты, разбойники, воры,
В тревоге все скряги, вся челядь, попы,
Мы воздух вдыхаем, пьем светлую воду,
Мы пляшем на дерне зеленом и взморье,
Берем города, презираем покой,
Хохочем, смеемся над сводом уставов,
И слабость мы гоним, — что нужно, берем.

МНЕ СНИЛОСЬ ВО СНЕ...

Мне снилось во сне, что я вижу неведомый город,
Непобедимый, хотя б на него и напали все царства Земли,
Снился мне новый город друзей,
Самым высоким там — качество было могучей любви,
Выше — ничто, и за ней все идет остальное,
Зрима была она ясно в мгновение каждое
В действиях жителей этого города,
В их взорах, во всех их словах.

ГОДЫ СОВРЕМЕННОСТИ...

Годы современности, годы несвершенного,
Ваш горизонт растет, я вижу, что он расступается
Для более сильных, торжественных драм,
Я вижу не только Америку, не только народ Свободы,
я вижу другие народы готовятся,
Я вижу ужасные входы, уходы со сцены, сочетания новые,
солидарность рас,

Я вижу грядущую эту силу, неудержимо вступающую
 на мировую сцену,
 (Старые силы, старые войны, сыграли ль они свои роли?
 Действия, им надлежащие, кончены ли?)
 Я вижу Свободу, во всеоружьи, победную, гордо-надменную,
 С Законом с одной стороны, и с Миром с другой,
 Изумительна эта триада, все они вышли на бой против
 мысли о касте.
 К каким историческим развязкам мы мчимся с такой
 быстротой?
 Я вижу людей в их маршах и в их контр-маршах, спешат
 и спешат миллионы,
 Я вижу, что все рубежи и границы аристократий старинных
 разрушены,
 Я вижу — меж европейских владык все стерты,
 Я вижу, что в этот день Народ начинает свои рубежи
 означать (все другие долой),
 Доныне еще никогда столь острых вопросов не ставили,
 Никогда еще не был простой человек, и дух его более силен
 и более богоподобен.
 Чу, как он нудит, торопит, не оставляя массы в покое,
 Шаг дерзновенный его на земле и на море повсюду,
 Великого он океана коснулся и в нем создает поселенья,
 Колонизирует архипелаги,
 Своим паровым кораблем, телеграфом своим электрическим,
 Газетой и массой военных орудий,
 Конторами, нити свои разбросавшими в мире,
 Меж всех географий он звенья кует и связует все страны.
 Что за шопоты это, о, страны, бегут перед вами, проходят
 под глубиью морей?
 Все народы беседу ведут? Создается ли эхо у Шара Земного
 единое сердце?
 Человечество хочет ли слиться в сплошное одно?
 Ибо видишь, тираны трепещут, короны тускнеют,
 Упорствуя в духе своем, земля — лицом к лицу с новой эрой,
 Пред всеобщей, быть может, войною божественной.
 Не знает никто, что случится вот-вот, дни и ночи такими
 наполнены знаменьями.
 Вещие годы! Пространство, пока я иду, и тщетно стараюсь
 его пронизать,

Наполнено призраками.
Те вещи, что скоро случатся, деянья еще не свершенные,
Бросают вокруг меня тени свои,
Этот натиск, стремление и пыл, в которые трудно поверить,
Лихорадочность снов исступленных, их странность, о, годы,
Сновидения ваши, о, годы, — как они проникают в меня.
Наяву ли я или во сне, я не знаю.
Америка вместе с Европой, свершенные, смутно темнеют,
Уходят за мной они в тень,
Несвершенное, столь исполинское, как никогда не бывало,
Идет и идет на меня.

ЗВЕЗДА ФРАНЦИИ

1870—1871

О, Франция, звезда,
Блистательность твоих надежд и сил, и славы,
Как некий повелительный корабль,
Который вел так долго целый флот,
Сегодня кажется лишь выброском, носимым
По воле бурь, лишь остовом без мачт,
С полупотопшим жалким экипажем,
С толпой полубезумной, — нет руля,
Нет рулевого.

Во тьму упавшая звезда,
Ты шар не только Франции одной,
Души моей, ее надежд заветных,
Ты бледный символ, ты восторг борьбы,
Священный жар свободы, дерзновенье,
Стремление к отдаленным идеалам,
Ты сон о братстве, сон энтузиаста,
Ты ужас всех тиранов и святош.

Распятая звезда— ты продана,
Ты продана изменниками подло,
Звезда страданья над странною смерти,
Над краем героическим и странным,

Над страстной, над фривольною страной.
О, нет, нет, нет. И за твои ошибки,
За суетность твою, и за грехи
Я ныне упрекать тебя не стану,
Огонь твоих терзаний беспримерных
Их сжег, и ты освящена.

За то, что ты средь многих вин своих
Всегда высокой целью задавалась,
За то, что, как цена ни будь громадна,
Себя ты не хотела продавать,
За то, что с горьким плачем ты проснулась
От зелья одурманенного сна,
За то, что ты одна, как великанша,
Среди сестер,
Тех, кто тебя позорил, разорвала,
За то, что не могла ты, не хотела
И не носила принятых цепей, —
Вот этот крест тебе, твой лик избитый,
Кривавость рук и язвы ног пронзенных,
Копье, воткнутое в тебя.

О, Франция! Звезда, корабль разбитый,
Давно уж одуроченный — проснись,
Звезда, зажгись, корабль, найди дорогу!
Да, как корабль всего, сама Земля
Из хаоса кипучего рожденья,
Созданье смертоносного огня,
Из мглы отрав и судорог свирепых,
Выходит в красоте победы полной,
Так ты под Солнцем, путь свой начертав,
Плыви, корабль, раскрывши крылья.

Свершатся дни, растают облака,
Распутан будет жесткий трудный узел,
И высоко над Европейским миром
(Лицом к лицу, через простор морей,
Колумбии ответствуя победно),
Твоя звезда, о, Франция, опять,

Красивая звезда в венце лучистом,
В тиши небесной, ярче, в новом блеске.
Зажжет бессмертный луч.

ЕВРОПЕ

72 и 73 годы Соединенных Штатов

Внезапно из ветхой и сонной берлоги,
Из душной берлоги рабов,
Как будто бы вспыхнула яркая молния,
Сама на себя удивляясь,
Ногой придавивши лохмотья и пепел,
И стиснувши руки на горле владык.

О, надежда и вера!
О, боль завершения жизней — всех тех,
Кто был изгнан за то, что любил свою родину,
О, сколько порвавшихся в пытке сердец!
Вернитесь назад в этот день,
И забейтесь для жизни свободной.

А вы, которым платят за услугу
Грязнить народ, заметьте вы, лжецы:
Хотя несчетны были истязанья,
Убийства и бесчестность воровства
В извилистых и самых низких формах. —
Хотя из тех, кто беден, выжимали
Достаток весь, грызя его как черви, —
Хоть обещанья с королевских уст
Нарушены, и тот, кто обещался,
Отметил подлым смехом свой обет, —
И хоть во власти тех, кто был обижен,
Владыки были, — все ж свои удары
На них еще не устремила месть,
И головы не срезаны у знати; —
Народ презрел свирепости владык,
Но мягкость милосердия была,
Как дрожжи для погибели горчайшей,
И струсившие деспоты вернулись.

С своей приходит каждый с полной свитой,
При нем палач, святоша, вымогатель,
Солдат, законник, барин и тюремщик,
Доносчик с ним.

А сзади всех ползет, глядите, призрак,
Как бы туман, в покрове бесконечном,
Лоб, голова, и весь — в багряных складках,
Лица и глаз никто не видит,
Из всех одежд, из красных одеяний,
Приподнятых рукой, лишь палец видно,
Изогнутый, кривой, во всем подобный
Змеинной голове.

Меж тем тела лежат в могилах свежих,
Кровавые тела погибших юных,
Веревка тяжко с виселицы пала,
Летают пули, принцы их послали,
Приспешники властей хохочут, —
И это все должно явить свой плод.

Тела погибших юношей, тела
Замученных, повешенных, сердца,
Пронзенные свинцом жестоко-серым,
Теперь как будто холодны, недвижны,
Но невозможно их убить.
Они вознесены святою смертью,
Они живут в других, таких же юных.
Внемлите, короли,
Они живут в других, опять готовых
На вызов вам.

Над каждым, кто убит был за свободу,
Над каждой подобною могилой,
Растет трава, которой имя — вольность,
И в свой черед посеет семена,
И ветры разнесут их для посевов,
Дожди, снега — кормильцы им.
Да, каждый дух, которого от тела
Освободит орудие тирана,

Будь моим Богом.

Ты, ты, о, совершенный человек,
Способный, светлый и красивый,
Довольный, любящий,
Широкий в духе, заверченный в теле,
Будь моим Богом.

О, смерть (ибо жизнь свой черед отслужила),
Открыватель, привратник жилища небесного,
Будь моим Богом.

Сильнейшее, и лучшее, что вижу,
Что знаю, постигаю

(Чтобы разрушить оковы вод стоячих, и тебя, освободить
тебя, душа),

Будь моим Богом.

Все помыслы великие, стремленья
Народов, все геройские деянья,
Свершенья восхищенных, просветленных,
Будьте моими Богами.

Иль время и пространство,
Иль форма дивная божественной земли,

Иль что-нибудь красивое, на что я

Гляжу, дивясь,

Или лучистый облик Солнца,

Или звезда в ночи,

Будьте моими Богами.

К ТОМУ, КОТОРЫЙ БЫЛ РАСПЯТ

Дух мой с твоим, милый брат,

Не думай, многие, имя твое возглашающие, не понимают

тебя,

Не возглашаю я имя твое, но я понимаю тебя,

С радостью я именую тебя, о, товарищ, чтоб ныне тебя

приветствовать и приветствовать тех, кто с тобой заодно,
раньше и после, и тех, кто еще придет.

Все мы работаем вместе, передавая ту же задачу и то же

наследие.

Мы немногие, равно безразличные к странам и к эпохам,

Мы включатели всех континентов, всех каст, допускатели
всех теологий,
Сострадатели и сознатели, полный отчет людей,
Мы проходим безмолвно среди диспутов и утверждений,
но не отвергаем ни спорящих, ни утверждений
каких бы то ни было.
Мы слышим и крики и шум оглушительный, с каждой
на нас стороны разделенья идут, обвиненья, и ревности,
Они нас теснят догматически, думают нас окружить,
мой товарищ,
Но мы идем неудержно, свободно, по всей земле мы
странствуем вверх и вниз, пока не наложим неизгладимую
нашу печать на время и на разные эры,
Пока не насытим мы время и эры, чтоб мужчины
и женщины рас, столетья грядущие, могли быть
братьями, ведать любовь, как мы.

ПЛЕМЯ БОЙЦОВ

Племя бойцов-победителей!
Племя земли, готовое к битве — готовое к маршу победному
(Не легковерное больше, не ждущее, не неподвижное),
Племя отныне не знающее
Иного закона, как тот, что в самом себе,
Племя борьбы, страсти и бури.

САМЫЕ БРАВЫЕ СОЛДАТЫ

Бравыми, бравыми были солдаты, которые жили в бою
и жизнь пронесли через битву
(Вознесены имена их теперь),
Но самые бравые шли и теснились вперед, и пали безвестно,
без имени.

СТАРЫЕ СНЫ БРАННЫХ ДНЕЙ

В полночь я сплю, и мне снятся лица, тревожные лица,
Взгляд пораженного на смерть (неописуемый взгляд),

Лица умерших, что навзничь упали, раскинувши руки, —
Я вижу их; вижу их, вижу.
Снятся мне сцены природы, поля и равнины и горы,
Небеса за грозой так прекрасны, ночью месяц нездешний
горит,
К нам он смотрит и нежно сияет, а мы роем, копаем
траншеи. —
Это вижу я, вижу я, вижу.
Миновали давно эти лица, и равнины, и эти траншеи,
Где я шел с зачерствелым лицом, сквозь резню, и от павшего
прочь,
Я спешил все вперед в это время, но теперь их виденья
мне ночью
Снятся, — вижу их, вижу их, вижу.

ПРИМИРЕНИЕ

Слово над всем, прекрасное как небо,
Прекрасно, что война со всей своей резнёю
Во времени совсем — совсем сотрется,
Что руки двух сестер,
Смерти и ночи,
Беспреданно смывают, омывают — омывают запятанный
мир.
Умер мой враг, человек такой же, как я, божественный, умер,
Я гляжу на него, как лежит он тихо, с белым лицом, в гробу —
Я к нему подхожу, наклоняюсь, касаюсь слегка
Своими губами до белого лика в гробу.

БОЖЕСТВЕННАЯ ЧЕТЫРЕСТОРОННОСТЬ

1

Пою божественную четырёхсторонность,
Идущую из Одного, рождение сторон,
Из старого и нового, из полной
Божественности четырёх сторон,
(Все стороны ее необходимы).

Она прочна, и с этой стороны
Я Иегова,
Я старый Брама, я Сатурн; и Время
Меня не задевает, — я есмь Время,
И старое, и новое, любое,
Неубедимый, непреклонен я,
Я исполняю право приговора.
Земля, Отец, и темный старый Кронос,
С законами, их возраст вне считанья,
И вечно новые они,
Всегда с могучими законами свершаю
Свой путь,
Без послаблений, людям нет прощенья,
Кто согрешил, умрет,
Жизнь согрешившего возьму я;
Пусть милости никто не ожидает,
Я дал вам дни и перемены года
И тяготенье. Милость? Нет ее.
Как смена дней и перемены года,
И тяготенье людям не прощают,
Я раздаю отсюда приговоры
Неумолимые, без искры сожаленья.

2

Обетованный, кроткий, утешитель,
С рукою нежною, протянутой вперед,
Я, Бог сильнейший, выступаю,
Предсказанный пророками, певцами
В их восхищенных прорицаньях и
Отсюда, с этой стороны,
Вот, я Господь Христос — вот, я Гермес,
Вот предстаю я с ликом Геркулеса,
Все, в чем работа, в чем печаль, страданье,
Приноровляя, я в себя вбираю;
Я много раз отвергнут был, ославлен,
И заключен в тюрьме, и распят был,
И то же много раз еще случится,
Ото всего я мира отказался
Во имя братьев и сестер моих,

Из-за души, и путь мой проходил
Через дома людей, богатых, бедных,
Идя, дарил я поцелуй любви
Затем, что я любовь, я Бог несущий
Веселье, и надежду, и для всех
Свет милосердия с кроткими словами,
Как к детям, с мудро-свежими словами,
Которые единственно мои,
Так прохожу, я, молодой и сильный.
И сознавая слишком хорошо,
Что я себя назначил к ранней смерти;
Но милосердие мое бессмертно —
И смерти нет для мудрости моей,
Ни ранней смерти, и ни поздней смерти,
И здесь моя любовь по завещанью,
И никогда, нигде, ей смерти нет.

3

Особняком стоящий, недовольный,
И замышляющий восстанье,
Преступников товарищ, брат рабов,
Лукавый, презираемый, без знаний,
Чернорабочий с ликом истомленным
Отверженца, в морщинах, темный, черный,
Но гордый в глубине души, как все,
Всегда и ныне возмущенный,
Восставший на того, кто восхотел
Мной править, относясь ко мне с презреньем,
Угрюмый, полный хитростей и ков,
Злопамятный, исполненный уловок,
(Хоть думали, что одурачен я,
И поражен, и все мои уловки
Разрушены, но этого не будет),
Протест, я, Сатана, еще живу,
Свои слова еще произношу я,
Являясь в новых странах, как мне должно
(И в старых также),
Всегда стою на стороне моей,
Готовый к схватке, равный с кем угодно,

Действительный и сильный, как любой,
И время слов моих не переменит,
И в переменах я не изменюсь.

4

Святая Одухотворенность,
Жизнь, дышащий, кто за пределом света
Светлей, чем свет,
За гранью адского пожара,
Веселый, мчащийся превыше сфер, где ад,
За гранью Рая, весь благоуханный
Одним благоуханием своим,
Включающий всю жизнь, что на земле,
Включающий своим касаньем Бога,
Спасителя, и Сатану,
Эфирный, проникающий весь мир.
(Что был бы этот мир, не будь меня?
Что был бы Бог?)
Суть форм, жизнь всех реальных тождеств,
Действительный, всегдашний, достоверный
(И именно незримый),
Жизнь этого круговорота мира,
Жизнь солнца, звезд, и человека,
Всеобщая душа,
Кончая четырехсторонность,
Я, прочный, я, наипрочнейший,
Дышу и я моим дыханьем
Сквозь эту песнь.

ДАЙ МНЕ БЕЗМОЛВНОЕ ЯРКОЕ СОЛНЦЕ...

1

Дай мне безмолвное яркое Солнце со всеми лучами его
ослепительными,
Дайте мне сочный осенний плод, спелый и красный из сада,
Дай мне поле с нескошенной свежей травой,
Дайте мне дерево, дай мне лозу на решетке,

Дайте мне видеть несчетность глаз — дайте женщин —
товарищей, любящих, тысячами,
Дайте мне видеть новых людей каждый день —
За руку новых людей держать каждый день!
Дайте такие мне зрелища — улицы дайте Мангаттан!
Дайте Бродвэй, по которой проходят солдаты под звук
барабанов и труб.
Роты солдат и полки — иные в поход уходящие,
Бесстрашные, полные бодрости — другие, отбивши свой
срок,
В рядах поредевших домой приходящие,
(Молодые, и так уже старые, что идут утомленно, не видя
кругом ничего),
Дайте мне берега и верфи, чернотой кораблей обрамленные!
О, вот этого мне! Напряженности жизни, разнообразной,
полной сполна, через край!
Жизнь театра, и жизнь кабачка, и огромный отель, вот чего
я хочу!
Салон парохода! Прогулка толпою! Процессия с факелами!
Густая бригада, на поле сраженья идущая,
И военный за нею обоз, тяжело нагруженный,
Народ бесконечный, потоку подобный, с гуденьем своих
голосов, со страстями, со зрелищами,
Мангаттан с безмерностью улиц, наполненных мощным
биением,
С призывом его барабанов, как ныне,
Бесконечный и шумный хор, стуки и трески мушкетов
(Даже зрелище раненых),
Мангаттан с своими толпами, с музыкальным
их буйственным хором!
Мангаттан и лица его, и глаза — вот чего я хочу.

ИСКРЫ ОТ КОЛЕСА

Там, где толпа городская день-деньской движется
безостановочно,
Отступивший, сливаюсь я с кучкой детей наблюдающих,
я медля с ними стою в стороне
У кривизны, образующей край плитняка,

Точильщик работает, он колесом острит лезвее большого
ножа,
Наклонившись, заботливо, он держит его у камня ступней
и коленом,
Размерно ступая, он быстро его вращает, нажимая легкой,
но твердой рукой.
В изобилии наружу исходят золотые струи,
Искры от колеса.
Как эта картина и вся обстановка ее меня поражает
и трогает,
Печальный старик, с острым подбородком, в изношенном
платье, с широкою кожаной перевязью,
Я сам, истекающий и расплавляющийся, призрак немой,
любопытно плавучий, здесь теперь поглощенный,
задержанный,
Кучка (никем незамеченная точка в обширной окружности),
Дети спокойно-внимательные, громкая, гордая ртачливая
основа всех улиц,
Камень, который в круженьи тихо и хрипло мурлычет,
лезвее слегка нажатое,
Распространяющее и роняющее, в сторону быстро
бросающее, в тонких дождях золотых, искры от колеса.

ЕСЛИ БЫ ВЫБОР ИМЕЛ Я...

Если бы выбор имел я сходствовать с лучшими бардами,
Нарисовать их портреты, красиво и стройно,
И по воле моей состязаться
С Гомером, со всеми его бойцами и битвами, с Ахиллесом,
Аяксом и Гектором,
Или с плененными скорбью Гамлетом, Лиром, Отелло
Шекспира,
С Тэннисоном, с прекрасными лэди его,
Напеть и измыслить лучшее, замысел избранный влить
в совершенную рифму, усладу певцов, —
Это, все это, о, море, все это охотно б я отдал,
Если бы дало мне ты колебанье единой волны,
Ухватку ее,
Или вдохнуло бы в стих мой дыханье свое, единое,
И оставило в нем этот запах.

ПТИЦА-БОЕЦ

(Фрегат)

Ты, спавший на буре всю ночь,
Проснувшийся весь обновленный на своих непомерных
крылах
(Гроза разразилась? Ты выше поднялся над дикой,
На туче покоился, туча качала тебя, рабыня твоя баюкала),
Ты синяя точка теперь, далеко, далеко, на небе,
Плывешь,
Меж тем как на палубе здесь я слежу за тобой, выплывая
на светлую полосу,
(Сам точка, лишь атом в плавучей пустыне миров),
Далеко, далеко на море,
После ночи с свирепым приливом, усеявшим берег
обломками,
С новым днем, как сегодня, счастливым и ясным,
С зарей возрастающе-розовой,
С ослепительным солнцем, в просторе лазурного чистого
воздуха,
Ты тоже являешься вновь,
Ты, рожденный соперничать с вихрем (ты, ветер, все ветры),
Ты, готовый схватиться с простором небес, с ураганом,
с землей и с морем,
Ты, воздушный корабль, паруса никогда не роняющий,
Дни, ночи, недели, без усталости, прямо, вперед, чрез
пространства, чрез царства ты кружишься, мчишься,
Ты в сумерках был в Сенегале, ты утром в Америке,
Ты играешь меж вспыхнувших молний и в тучах громовых,
В них, в эти забавы, ты душу мою захвати, —
О, что б это был за восторг! твой восторг!

ГРОМЧЕ УДАРЬ, БАРАБАН!..

Громче ударь, барабан! — Трубы, трубите, трубите!
В окна и двери ворвитесь с неумолимою силой,
В храм во время обедни — пусть все уйдут из церкви,
В школу, где учится юноша, силою звуков ворвитесь,
Жениху не давайте покоя — не время теперь быть с невестой,

Возмутите мирного пахаря, который пашет и жнет,
Гремите сильней, барабаны, — громче, сильнее ударьте,
Резкие трубы, трубите, — звучи вам, призывный рог!
Громче ударь, барабан! — Трубы, трубите, трубите!

Над суетой городов — над уличным шумом и грохотом.
Постели готовы для спящих, чтоб спать эту ночь в домах?
Не надо, не нужно, чтоб спящие спали в постелях своих.
Торговцы торгуют? Не надо, не нужно теперь торгашей,
Оратор еще не умолк? Певец будет петь, пожалуй?
В суде адвокат защищает дело свое пред судьей?
Скорей же, скорей, барабаны, — рассыпьтеесь гремюще
дробью,
Пронзительно, трубы, трубите, — звучи нам, призывный рог!

Громче ударь, барабан! — Трубы, трубите, трубите!
Переговоров не надо — разубеждения прочь,
О боязливом не думать — о слезах в моленьях не думать,
О старике, умоляющем юношу, помыслы прочь,
Голос ребенка да смолкнет, зов материнский да смолкнет,
Ждущие похорон трупы, пусть даже вздрогнут они,
Страшную весть возвестите боем своим, барабаны,
С воплем трубите нам, трубы, — звучи нам, призывный рог!

ПРИВЕТ МИРУ (*Saint au Monde*)

1

Возьми мою руку, Уольт Уитман.
Какие скользящие дива! какие картины и звуки!
Какие несчетные звенья, одно к одному, прицеплено каждое
к ближнему,
И в каждом ответ для всего, и каждое землю разделяет
со всеми.

Что ширится в сердце твоём, Уольт Уитман?
Какие там волны и почвы встают?
Что там за климат? Что тут за люди? Какие здесь города?
Какие тут дети, играют одни, задремали другие?
Кто эти девушки? Кто эти жены замужние?

Что там за группы старых людей, медленно ходят, руками
друг друга обнявши за шею?
Что это здесь за реки, леса, и плоды?
Как называются горы, что встали высоко в туманах?
Что там за сотни жилищ, мириады жилищ, наполненных
жителями?

2

Во мне широта расширяется, долгота удлиняется,
Азия, Африка, Европа к востоку — Америка на западе,
Как пояс объема выпуклость земли, вьется горячий
экватор,
Любопытно на Север и Юг повернута ось концами,
Во мне самый длинный день, Солнце кружится
по косвенным кольцам, не заходит в течение месяцев,
В должное время во мне простирая полночь, Солнце как раз
над горизонтом встает и заходит опять,
Зоны во мне, моря, водопады, леса, вулканы и островные
группы,
Малезия и Полинезия, и великие острова Вест-Индские.

3

Что ты слышишь, Уольт Уитман?
Я слышу, как поет рабочий, поет жена фермера,
Я слышу, там в отдаленьи, звуки детей и животных ранним
утром,
Я слышу, кричат, подбодря друг друга, Австралийцы
в погоне за дикою лошадью,
Я слышу Испанскую пляску, звучат кастаньеты в тени
под каштанами, скрипка звучит и гитара,
Слышу я долгие отзвуки эхо, звучащие с Темзы,
Слышу свирепые песни, Французские песни свободы,
Слышу я, как Итальянский яличник речитативом поет,
повторяя поэмы старинные,
Слышу я в Сирии шум саранчи, меж тем как дождем из туч
своих страшных о травы она ударяет, в хлеба
низвергается,
Слышу я Коптский припев, на закате, задумчиво падает
он на лоно отца почитаемого, обширного темного Нила,

Слышу я крик понукающий, то погонщик мулов
Мексиканский, и на муле звучат колокольчики,
Слышу я, как муэззин Арабский бросает свой клич с высоты
мечети,
Слышу я Христианских священников у алтарей их церквей,
слышу ответный бас и сопрано,
Слышу я крик Казаков, и голос пловца, поплывшего в море
Охотское,
Слышу я свист за спиною рабов, меж тем как угрюмыми
группами идут они по двое, по трое, скрепленные вместе
цепями, с рукою рука и с ногою нога,
Слышу я, как Евреи читают свои псалмы и летописи,
Слышу размерные мифы Греков, и легенды сильные Римлян,
Слышу рассказ о божественной жизни и смерти кровавой
красивого Бога Христа,
Слышу, как учит Индус любимого ученика войнам, любящим,
поговоркам, дошедшим сохранно до этого дня от поэтов,
слагавших три тысячи лет назад.

4

Что ты видишь, Уольт Уитман?

Кто те, кого ты приветствуешь, одного за другим

приветствуешь?

Я вижу, великое круглое чудо катится через пространства,

Я вижу, вдали, в уменьшеньи, фермы, деревни, руины,

кладбища, тюрьмы, конторы торговые, дворцы и лачуги,

хижины диких, шатры кочевников, вижу я все это там

на поверхности,

Я вижу часть тeneвую, с одной стороны, где спящие спят,

и светлую часть, озаренную солнцем, с другой стороны,

Я вижу, с большим любопытством, быструю смену света

и тени,

Я вижу далекие страны, так близко, действительно так

приближенно к их жителям, как мне близка моя родина.

Я вижу обильные воды,

Я вижу горные пики, я вижу сизэрры Анд, где они в ряды

разместились,

Гималаи вижу я четко, Тянь-Шань, Алтай, и Гхаут,

Я вижу гигантские башни Эльбруса, Казбека, Базарджуси,

Я вижу Штирийские Альпы, Карнакские Альпы,
 Я вижу Пиренеи, Балканы, Карпаты, а к северу Доврэфъэль,
 и в море горную Геклу,
 Я вижу Везувий и Этну, Лунные горы и Красные горы
 Мадагаскара,
 Я вижу пустыни Аравии, Ливии, Азии,
 Я вижу огромные страшные ледяные горы Полярные
 и Предполярные,
 Я вижу все океаны, верхние вижу и нижние, Атлантический,
 Тихий, Мексиканское море, Бразильское и Перуанское,
 Индустанские воды, Китайское море, Гвинейский залив,
 Японские воды, красивый залив Нагасаки, сушей замкнутый
 среди гор,
 Балтийский простор, и Каспийский, Ботнический, берега
 Британские, дальше Бискайский залив,
 Средиземное море, залитое солнцем, острова к островам,
 Белое море и море вокруг Гренландии.
 Я гляжу на моряков мира,
 В шторме одни, но в ночи другие следят на дозоре,
 Третьих беспомощных носит по морю, а эти в заразных
 болезнях.
 Я гляжу на суда, на паруса мира,
 В гроздьях иные, в портах, другие в своих скитаниях,
 Вон огибают мыс Бурь, другие же — мыс Зеленый, иные же
 мыс Гвардафуй, мыс Бон и мыс Бахадор,
 Иные проходят близ Дондры, иные же в Зундском проливе,
 иные же мыс Лопатки, иные Берингов пролив,
 Иные мыс Горн, а иные плывут в Мексиканский залив,
 вдоль Кубы или Гаити, в Гудзонов, в Баффинский залив,
 Близ Довера эти проходят, в Уаш входят другие,
 а эти в Сольвей, огибают мыс Ясный, край суши обходят
 вон те,
 Вон те через Зюдер-Зе, через Шельду свой путь совершают,
 А те в Гибралтар приходят, в Дарданеллы, из них уходят,
 Иные мрачно свой путь чрез зимние воды свершают,
 Иные нисходят по Оби, по Лене восходят легко,
 Иные по Нигеру и Конго, по Инду и Брамапутре,
 Иные в Камбодже, а эти — готовы к Австралию плыть,
 Стоят в Ливерпуле, и в Глазгове, в Дублине, или в Марселе,
 в Неаполе и в Лиссабоне,

В Гамбурге, в Бремене, в Гаге, в Бордо, в Копенгагене, всюду,
В Вальпарайсо стоят, в Панаме и в Рио-Жанейро.

5

Я вижу рельсы земли, я вижу дороги железные,
В Великобритании вижу их; вижу их также в Европе,
Я вижу их в Азии, в Африке.
Электрический вижу я путь, телеграфы земли,
Нити известий, войн, смертей, потерь, приобретений,
страстей моей расы,
Вижу я полосы рек земли,
Вижу я Амазонку и Парагвай,
Вижу я четыре великих реки Китая, Амур, Желторечье,
Янг-Тзе и Жемчужную,
Вижу я Сену, Дунай и Луару, Рону, Гвадалквивир,
Вижу излучины Волги, Днепр и Одер,
Я вижу Госкану вдоль Арно, Венеции край вдоль По,
Вижу я Греков, которые плывут из Эгейской бухты.

6

Вижу я место, где было древнее царство Ассирии, царство
Персии, Индии,
Я вижу падение Ганга на высокий край Саукары,
Вижу я место, где мысль родилась о Божестве, воплощенном
аватарами в формах людских,
Вижу места постепенного шествия разных жрецов на земле,
оракулов и приносителей жертвы, браминов,
звездопоклонников, лам, монахов, муфтий,
увещевателей,
Вижу места, где друиды бродили по рощам Моны, вижу
омелу, вервену,
Вижу Христа, ядущего хлеб последней вечери, среди юных
и старых людей,
Вижу, где сильный божественный юноша Геркулес
необманно работал, долго трудился и умер потом,
Вижу я место невинной богатой жизни и злополучной
судьбы красивого сына ночного, полночленного Вакха,
Вижу Кнефа, цветущего, в голубое одетого, с короной
из перьев на своей голове,

Вижу Гермеса, на котором нет подозрений, умирающего,
горячо любимого, говорящего своему народу: *Не плачьте
обо мне, это не моя настоящая родина, я был изгнан
из моей настоящей страны, я теперь возвращаюсь
туда,*
*Я возвращаюсь в небесную сферу, куда каждый уйдет в свою
очередь.*

7

Я вижу поля сраженья земли, трава растет на них, расцветы
и нивы,
Вижу следы древних походов и новых,
Безыменные вижу масонства, досточтимые вести
неизвестных событий, героев, записи этой земли,
Я вижу места древних саг,
Вижу сосны и ели, измятые северной бурей и вырванные,
Гранитные вижу утесы и валуны, зеленые вижу луга и озера,
Вижу надгробные камни на могилах Скандинавских
воителей,
Вижу я их вознесенными над берегом тревожных океанов,
чтобы духи умерших людей, когда утомятся своею
спокойной могилой, встали сквозь холм, и смотрели
на волны мятежные, и освежились бы грозами,
безмерностью волей и действием,
Вижу я степи Азии,
Вижу Монгольские насыпи, шатры Калмыков и Башкиров,
Вижу я группы племен кочевых со стадами быков и коров,
Вижу я плоскогорье с оврагами, джунгли, пустыни,
Вижу я верблюда, дикую лошадь, дрохву, жирнохвостых
овец, антилопу и волка, нору вырывающего,
Вижу я горные страны Абиссинии,
Вижу стада пасущихся коз, смоковницу вижу, тамаринд
и финик,
Я вижу поля пшеницы места, где зелень и золото,
Я вижу вакеро Бразилии,
Я вижу высокую гору Сорату в Боливии,
Вижу я, вачо пересекает равнины, несравненного вижу
наездника, лассо он держит в руке, чтоб ловить лошадей,
Вижу я, как чрез пампасы преследуют дикий скот, чтобы
снять с него шкуры.

Вижу я области снега и льда,
 Вижу я остроглазых Самоедов и Финнов,
 Вижу, ловец тюленей в лодке наметил свое копьё,
 Вижу, как Сибиряк едет на легких санях, влекомых
 собаками,
 Вижу охотников я за дельфинами, вижу суда китоловные
 в Тихом Океане, на Юге, и в Атлантическом, на Севере,
 Вижу я скалы, потоки, долины и глетчеры Швейцарии —
 замечаю долгие зимы и их уединение.

Вижу я города земли, и наудачу сам становлюсь частью
 любого,
 Вот парижанин я истый,
 Вот я в Вене живу, в Петербурге, в Берлине,
 в Константинополе,
 В Аделаиде, в Сиднее, в Мельбурне,
 В Лондоне я, в Манчестере, в Бристоле, в Эдинбурге,
 Лимерике,
 Я в Мадриде, в Кадиксе, в Барселоне, в Опорто, в Лионе,
 в Брюсселе, в Берне, во Франкфурте, в Штутгарте,
 в Турине, во Флоренции,
 Я существую в Москве, в Кракове, в Варшаве, или на Севере
 в Христиании, или в Стокгольме, или в сибирском
 Иркутске, или на одной из улиц в Исландии,
 Я нисхожу во все эти города, и восстаю из них снова.

Я вижу пары, исходящие из неисследованных стран,
 Я вижу дикие лики, лук и стрелу, отломок отравленный,
 Фетиш и Оби.
 Вижу я города Африканские и Азиатские,
 Вижу Алжир, Триполи, Дерп, Магадор, Тимбукту,
 Монровию,
 Вижу кишашие рои Пекина, Кантона, Бенареса, Дельи,
 Калькутты, Токио,

Ты, с смутным началом, черный с душою божественной,
 Африканец высокий с головою тонкой, с благородными
 формами, с гордым уделом наравне со мной!
 Ты, Норвежец! Швед! Датчанин! Исландец! Пруссак,
 Ты, Испанец Испании! Ты, Португалец!
 Ты, Французская женщина и Француз Франции!
 Ты, Бельгиец, ты, возлюбивший свободу Нидерландец! (род,
 откуда я сам происхожу)
 Ты, сильный Австриец! Ты, Ломбардец! Гунн! Богедец!
 Фермер Штирии!
 Ты, сосед Дуная!
 Ты, рабочий Рейна, Эльбы или Везера! ты, работница также!
 Ты, Сардинец! Баварец! Шваб! Саксонец! Валах! Болгарин!
 Ты, Римлянин! Неаполитанец! Ты, Грек!
 Ты, гибкий матадор на арене Севильи!
 Ты, горец, живущий беззаконно в Тавриде или на Кавказе!
 Ты, Бухарец, с своим табуном, стерегущий своих кобылиц,
 и кормящий своих жеребцов!
 Ты, с телом красивым Перс, на полном скаку с седла
 вонзающий стрелы в цель!
 Ты, Китаец и Китайка! Ты, Татарин Татариин!
 Вы, женщины земли, подчиненные вашим обязанностям!
 Ты, Еврей, в старом возрасте странствующий через все
 опасности, чтобы стать однажды на почве Сирии!
 Вы, другие Евреи, ждущие всюду, во всех краях, вашего
 Мессию!
 Ты, задумчивый Армянин, размышляющий где-нибудь близ
 потока Евфрата! Ты, глядящий пристальным взглядом
 среди руин Ниневии! Ты, восходящий на гору Арарат!
 Ты, с усталой походкой, пилигрим, приветствующий
 встающее издалека мерцанье минаретов Мекки,
 Вы, шейхи, вдоль полосы от Суэца до Баб-эль-Мандеба,
 правящие вашими семьями и племенами!
 Ты, возраститель слив, холящий плод свой на полях
 Назарета, Дамаска или озера Тивериады!
 Ты, Тибетец, торгующий по обширным пространствам
 внутри страны, или торгующий в лавках Лхассы!
 Ты, Японец или Японка! Ты, житель Мадагаскара, Цейлона,
 Суматры или Борнео!

Вы все, что живете на материках Азии, Африки, Европы,
Австралии, все равно, где бы вы ни жили!
Вы все, на бесчисленных островах архипелагов моря!
Вы все столетий, откуда грядущих, когда вы меня
услышите!
И вы, кто бы и где бы вы ни были, кого я здесь не означил,
но кто наравне мной включен!
Всем вам привет! добрая воля вам всем от меня
и от Америки!
Каждый из нас неизбежен,
Каждый из нас безграничен, каждый из нас с правом своим
на земле,
Каждый из нас может ставить вечные цели здесь на земле,
Каждый из нас так же божественен здесь, как любой.

12

Ты, Готтентот, с своим говором чмокающим! вы, орды
шерстовласые!
Вы те, что являетесь собственностью, капли пота роняющие,
или капли крови!
Вы, человеческие формы с бездонными, вечно иным
напечатленными, ликами зверей!
Вы, бедные Кобу, на кого самый низкий из всех остальных
смотрит сверху вниз, за вашу чуть брезжущую речь
и разумность!
Ты, карлик по росту, житель Камчатки, Гренландец,
Лапландец!
Ты, Австралийский негр, вагой, красный и грязный,
с отвислой губой, ощупью ползающий, ищущий пищи!
Ты, Кафр, Бербериец, Суданец!
Ты, дикий и грубый, никем не наученный Бедуин!
Вы, чумные рои в Мадрасе, в Нанкине, в Кабуле, в Каире!
Ты, застигнутый ночью скиталец ночной Амазонии! Ты,
Патагонец! Ты, Фиджи!
Не предпочту я других перед вами,
Не скажу против вас ни слова, назад, уходите туда,
где вы находитесь
(Вы придете ко мне в должное время, выйдя вперед)!

Мой дух обошел в соблезновании и в решимости вкруг
 всей Земли,
 Я искал равных и любящих и нашел, что они для меня
 готовы во всех краях,
 Я думаю, некое дивное соответствие уравнило меня с ними,
 Вы, туманы, я думаю, с вами поднялся я, отодвинулся прочь
 к континентам далеким, и вниз там упал, по причинам
 достаточным,
 Я думаю, с вами я веял, о, ветры.
 Вы, воды, я с вами ощупал, с вами перстами я перебрал
 каждый берег,
 Я прошел через все, что проходит любая река и пролив этого
 шара,
 Я выбрал себе упор на подножья полуостровов и на скалах
 высоких, уступных, чтоб оттуда кричать, —
Миру привет!
 В те города, куда проникает свет и тепло, я проникаю сам
 в те города,
 На острова, к которым птицы взмахи свои направляют,
 к ним направляя свой взмах, я устремляю свой путь,
 К вам всем, во имя Америки,
 Я устремляю, высоко и прямо подъятую руку, я делаю знак,
 Чтоб после меня он остался в виду навсегда,
 Для всех очагов и прибежищ людей.

ПЕСНЬ ОТВЕЧАТЕЛЯ

1

Теперь внимайте утренней песне моей, я возглашаю вам
 знаменья Отвечателя,
 Городам и фермам пою я, в то время как в утреннем свете
 они предо мной простираются.

Ко мне подходит юноша с порученьем от своего брата,
 Как узнает юноша *что и когда* относительно своего брата?
 Скажите ему, чтоб послал мне знаменья.

И вот стою я перед юношей лицом к лицу, и беру его правую
руку в левую руку мою, и беру его левую руку в правую
руку мою,
И я отвечаю за брата его и за людей, и за того, кто отвечает
за всех, и вот посылаю знаменья.

Его все ждут, ему отдаются все, его слово решающее
и окончательное,
Его принимают все, в нем существуют, купаясь, как в свете,
в нем себя замечают,
Его потопляют они, и он потопляет их.

Красивые женщины, самые гордые страны, законы, картины
природы, люди, животные,
Земля с своей глубиной и все ее отличительности, и океан
беспокойный (так возглашаю я песнь мою утреннюю),
Все наслаждения, и деньги, и собственность, и все, что
за деньги можно купить,
Лучшие фермы, другие сажают, работают, он собирает,
Города благороднейшие, самые пышные, другие их строят,
возводят, а он в них живет,
Нет ничего ни для кого иначе, как для него, близкое
и далекое все для него, корабля в укрытом море,
Беспрерывные зрелища и процессии на суше для него,
если только для кого-нибудь они.
Он уставляет вещи в их положениях,
Он уставляет сегодня из самого себя, с любовью,
с пластичностью,
Он размещает свои времена, воспоминания, родителей,
братьев, сестер, сочетанья людей, их ремесла, политику,
так что другие потом никогда их стыдиться не могут,
и не могут на то притязать, чтобы ими командовать.
Он Отвечатель,
Что отвечено может быть, он на то отвечает, что не может
быть, он указывает, как, почему отвечено тут быть
не может.

Человек есть властительный зов и вызов
(Прятаться тщетно — слышите хохот и смех? слышите
отзвуки эхо, и в эхо иронию?).

Книги, дружбы, философы, жрецы, действия, наслаждение,
гордость восстают и падают, ища удовлетворенья,
Он указывает удовлетворенье, и указывает тех, что восстают
и падают.

Все равно, какой пол, все равно, где место, и какое сейчас
время года, он быстро, и нежно, и смело может идти
ночью и днем,
У него — ключ сердец, и ему отвечает ручка дверная, когда
прикоснется к ней пальцами.

Желанность его всемирна, поток красоты не больше
желанен, не больше всемирна, чем он,
Тот, к кому он был днем благосклонен, с кем ночью он спал,
благословен.

Каждое существование имеет свое наречие, каждая вещь
имеет свое наречие и речь.

Он разрешает все языки в свой собственный и дает его
людям, и каждый человек переводит, и каждый себя
самого переводит также.

Одна часть не противодействует другой, он соединитель,
он смотрит, как они соединяются.

Он говорит без различия одинаковым тоном: *Как поживаете,
друг?* — обращаясь к президенту при его выходе,

И говорит: *День добрый, брат,* — Бедняге, который киркой
расчищает плантацию сахара,

И оба его понимают и знают, что речь его правильна.

Он идет в Капитолий совершенно спокойно,

Он бродит в Собрании, где заседают исполнители Воли
Народной, и один из ее Представителей говорит,
обращаясь к другому: *Вот наш равный приходит
и новый.*

Мастеровые потом считают его мастеровым,

И солдаты предполагают, что он солдат, и матросы, что море
ему известно,

И писатели принимают его за писателя, и художники
за художника,

И земледельцы видят, что мог бы он с ними землю пахать
и любить их,
Все равно, какое бы ни было дело, он эту работу может
исполнить, или уже исполнил,
Все равно, какой бы ни был народ, он мог бы найти в нем
братьев своих и сестер.

Англичане считают его из Английского рода и племени,
Еврею — Евреем он кажется, Русскому — Русским,
он привычный и близкий, ни от кого не далек,
На кого он ни взглянет в кофейне для странствующих,
тот его тотчас признает своим,
Итальянец или Француз в нем уверены, Немец уверен,
Испанец уверен, Островитянин, Кубанец уверен,
Инженер, или палубный с Великих озер, или Миссисиппи,
или из Сан-Лоренса, или Сакраменто, или Гудзонова
залива, или с Помэнока, признают его своим.

Джентльмен чистой крови признает его чистокровность,
Хулиган, проститутка, разгневанный, нищий себя узнают
в путях его, он странно их преобразует,
Вот уже больше не низки они, они едва узнают себя,
так они выросли.

2

Указанья и зарубка времени,
Совершенная здравость указывает на мастера между философов,
Время, всегда без перерыва, указывает себя в частях,
Что всегда указывает поэта, это толпа приятных и дружных
певцов, и слова их,
Слова певцов суть часы и минуты света и тьмы, но слова
создателя поэм суть общий свет и всеобщая тьма,
Создатель поэм устанавливает справедливость,
действительность, бессмертие,
Его глубокий взгляд внутрь и власть обнимает все вещи
и весь человеческий род.
Он слава и запись до этой строки, запись вещей в рода
людского.
Певцы не рожают, рождает только поэт,

Певцы желанны, и их понимают, довольно часто являются,
но редок был день, было редко и место рождения
создателя поэм, Отвечателя
(Не каждый век и не каждые пять столетий содержали
подобный день, при множестве всех их имен).
Певцы равномерно идущих часов всех столетий, быть
может, имели явное имя, но каждое имя такое есть имя
певцов,
Имя каждого есть певец глаз и красок, певец слуха, звуков,
певец размышленья, певец сладкогласный, певец тьмы
и ночи, певец для гостиной, певец-чаровник,
любовный певец, или что-нибудь в этом роде.

Все в это время и во все времена ждут слов истинных поэм,
Слова истинных поэм не просто лишь нравятся,
Поэты воистину суть не свита красоты, но священные
владыки красоты;
Величье детей есть явление во вне величья матерей и отцов,
Слова истинных поэм суть расцвет и конечный восторг
звания.

Божественный инстинкт, широта и объемность взгляда,
закон разума, здоровье, дерзость тела, отъединенность,
Веселость, солнечный загар, свежий воздух, таковы суть
немногие из слов поэм.
Моряк и путник, он их держит в основе своей, создатель
поэм, Отвечатель,
Зодчий, геометр, химик, анатом, френолог, художник,
он всех их имеет в основе своей, создатель поэм,
Отвечатель.

Слова истинных поэм дают вам больше, чем поэмы,
Они дают вам, из чего вам создать для себя поэмы, религии,
политику, войну, мир, поведение, историю, опыты,
повседневную жизнь и всякую вещь иную,
Они уравнивают разряды, цвета, расы, верованья, пол
в его различьи,
Они красоты не ищут, их ищут,
Касаясь их, или за ними немедля, во веки веков идут
красота, стремленье, жажда истомная, любовная боль.

К смерти они приготавливают, однако ж, они не конец,
а скорее начало,
Они никого не приводят к пределу его, и не делают полным,
довольным,
Кого захотят, того уводят в пространство, чтоб смотреть
на рождение звезд и позвать одно из значений,
Чтобы с полною верою в путь устремиться, умчаться вперед
по звеньям несчетным, и больше покоя не знать никогда.

ПЕСНЬ ПЛОТНИЧЬЕГО ТОПОРА

1

Оружье нагое и стройное, синевата его белизна,
Из глубин материнского чрева голова его взнесена,
Плоть из дерева и кость из металла, член один и губа лишь
одна,
Серо-синий лист в красном шаре возрос, рукоятка же
семенем малым дана,
Лежит на траве, и трава под ним склонена,
В нем упор, в нем опора дана.
Сильные формы и свойства сильных форм, мужские
ремесла, звуки и зрелища,
Многообразное шествие, знаменья, музыка в брызгах
по клавишам,
Органист, чьи персты проскользают, играя отрывисто,
Звучит великий орган.

2

Привет всем странам земли, каждой в ее отдельности,
Привет странам сосны и дуба,
Привет странам лимона и фиги,
Привет странам золота.
Привет странам пшеницы и маиса и странам виноградной
лозы,
Привет странам сахара и риса,
Привет странам хлопка, и белого картофеля, и сладкого
картофеля,

Мясник на бойне, матросы на шхунах и шлюпках, сплавщик
плотов, пионер,
Те, в чьем ведении лес строевой, в зимовках своих,
Рассвет в лесах, полосы снега на ветках деревьев, случайный
их треск,
Ясный радостный звук от твоего голоса, веселая песня,
природная жизнь в лесах, работа сильного дня,
Яркий ночью огонь, добрый вкус ужина, беседа, постель
из ветвей цикуты и из медвежьего меха;
Домостроители, за своею работой, в городах или где бы
то ни было,
Вся предварительность эта, с рубанком, с отгесываньем,
наугольник, пиленье, пазы,
Подъем тяжелых стропил, вдвигание их на места, их кладки
рядами,
Вбиванье больших гвоздей, шипами, в пазы, соответственно
с тем, как они приготовлены,
Удар деревянного молота и молотков, наклоненье людей,
изогнутие членов их,
Наклоненье, стоянье, сиденье на балках верхом, вбивание
клина, держанье за столб и за скрепы,
Рука искривленная над подстропильною вязкой, другая
рука воздымает топор,
Настилальщики пола, доски одну к другой подгоняющие,
чтоб их пригвоздить;
Положенья их тел, когда опускают они орудья свои
на подставки,
Отклики эхо, звучащие через пустое зданье,
Огромный склад, возводимый в городе, наполовину
уж выстроенный,
Шесть строителей сруба, два в середине, и двое на каждом
конце, несущие бережно на плечах своих тяжкое бревно
для поперечины,
Длинною линией каменщики, с лопатами в правой руке,
быстро кладут боковую длинную стену в двести шагов
от фасада ее до конца,
Гибкие спины, в склонении их и в подъятьи, стук
непрерывный лопат о кирпич,
Кирпичи, один за другим так легко по-рабочему сложенные,
их уровень удостоверен ударом лопатки, ее рукояткой,

Все весьма хорошо, покуда не вспыхнет вызов.
Великий город есть тот, в котором величайшие мужчины
и женщины,
Если это лишь несколько жалких лачуг, это все же
величайший город во всем мире.

5

Место, где город великий стоит, не есть место
раскинувшихся верфей, доков, фабрик, складов
продуктов только,
И не место, где непрерывно приветствуют вновь
прибывающих, и где поднимают свой якорь те,
кто отбывает,
И не место, где самые высокие и пышные здания, или лавки,
в которых продаются товары с других концов земли,
И не место, где лучшие библиотеки и школы, и не место,
где деньги в наибольшем изобилии,
И не место, где население наиболее многочисленно.
Где город стоит с наиболее мускулистой расой ораторов
и бардов,
Где город стоит, который ими любим, и который их любит
взамен, и их понимает,
Где нет никаких памятников героям, кроме тех, что в общих
словах и делах,
Где бережливость на месте своем, и благоразумие на месте
своем,
Где мужчины и женщины относятся к законам легко,
Где рабы исчезают, и где владыка рабов исчезает,
Где население сразу встает на никогда не кончающуюся
дерзость избранных,
Где яростные мужчины и женщины изливаются потоком,
как море на свист смерти изливает свои сметающие
и неразорванные волны,
Где внешняя власть выступает всегда за выступлением
власти внутренней.
Где гражданин всегда есть глава и идеал, и президент, мэр,
губернатор, и кто там еще, суть лишь агенты за плату,
Где учат детей, чтоб сами себе они были законами, и лишь
от себя зависели,

Где равенство душ изъясняется делами,
Где размышления о душе поощряются,
Где женщины проходят в народных процессиях по улицам
так же, как мужчины;
Где они входят в собрания общественные и занимают места
так же, как мужчины;
Где стоит город самых верных друзей,
Где стоит город чистоты полов,
Где стоит город самых здоровых отцов,
Где стоит город матерей с наилучшими телами,
Там стоит город великий.

6

Что за нищенский вид аргументы имеют пред деянием,
полным вызова!
Как расцветная пышность всего, что есть в городах,
сморщившись ежится перед взглядом мужчины
или женщины!
Все ждет или устраняется, пока не появится сильное
существо,
Сильное существо есть пробный камень расы и способности
вселенной,
Когда появляется сильный, будь то мужчина или женщина,
все материальное утрачено,
Спор о душе прекращается,
Старые обычаи и фразы сопоставляются, их опрокидывают
или отбрасывают!
Что теперь ваше скопление денег? Что оно может теперь?
Что теперь ваша почтенность?
Что теперь ваша теология, обучение, общество, традиции,
книги статутов?
Где теперь ваши слова о жизни?
Где крючкотворства ваши о душе?

7

Бесплодный ландшафт покрывает руду, он так же хорош,
как любой, при всем его виде суровом,
Вот копь и вот рудокопы.

Плавленный горн здесь, расплавлен металл, ковачи здесь
стоят со щипцами своими и с молотами,
Что служило всегда, и что служит всегда, вот здесь,
Лучше его ничто не служило, оно служило всем,
Служило оно Греку с текучим его языком и умом
утонченным, и задолго до Грека,
Служило при постройке строений, что длятся дольше,
чем все другие,
Служило Еврею, Персу, самому древнему жителю Индостана,
Служило возводителю курганов по Миссисиппи, служило
тем, чьи останки покоятся в Центральной Америке,
Служило Альбионовым храмам, в лесах или на равнинах,
с необделанными столбами и с их Друидами,
Служило искусственным расселинам, обширным, высоким,
безгласным, на покрытых снегами высотах
Скандинавии,
Служило тем, кто в незапамятное время делал на гранитных
стенах грубые рисунки Солнца, луны, звезд, кораблей,
волн океана,
Служило путям вторжений Готов, служило пастушеским
племенам иномадам,
Служило отдаленному Кельту, служило отважным пиратам
Балтийского моря,
Служило, прежде чем кому-нибудь из этих, почтенным
и безобидным людям Эфиопии,
Служило для делания руля на галерах, что строились
для удовольствия, и на военных судах,
Служило всем великим делам на суше и всем великим делам
на море,
Средним векам и раньше средних веков,
Служило не только живым, как ныне, но также служило
и мертвым.

8

Я вижу Европейского палача,
Он стоит в маске, одетый в красное, с огромными ногами
и сильными голыми руками,
И опирается на полновесный топор

(Кого убил ты только что, Европейский палач,
Чья это кровь на тебе такая мокрая и липкая?).
Я вижу ясные закаты мучеников,
Я вижу привидения, что сходят с эшафотов,
Привидения умерших владык, развенчанных владычиц,
обвиненных сановников, низложенных царей,
Соперников, изменников, отравителей, застигнутых
злосчастьем вождей, и остальных,
Я вижу тех, кто где бы то ни было умер за дело благое,
Семя скудно, однако, посеяв никогда не растратится,
(Помните вы? о, цари чужеземные, о, священники, посеяв
никогда не растратится).
Я вижу, кровь смыта совсем с топора,
Чисто его лезвее и чиста рукоятка,
Больше они не разбрызгивают кровь европейской знати,
больше не обнимают шеи цариц.
Я вижу, палач уходит, он бесполезен,
Я вижу, на эшафот уж не всходят, он покрывается плесенью,
я больше не вижу на нем топора,
Я вижу могучее дружеское знамение власти — мой
собственной расы, самой новой и самой обширной расы.

9

(Америка! я не восхваляю любовь мою к тебе,
Я имею, что я имею!)
Скачет топор.
Плотный лес дает отзвук текучий,
Катятся, мчатся вперед выражения эти, встают в очертаниях,
Хижина, шатер, пристань, вехи,
Цепь, плуг, мотыка, лом, лопата,
Гонт, брусок, подпорка, стенная обшивка, косяк, плавки,
панель, щипец,
Крепость, потолок, зал, академия, орган, дом, выставки,
библиотека,
Карниз, решетка, колонна четырехугольная, балкон, окно,
башенка, портик,
Кирка, грабли, вилы, карандаш, повозка, посох, пила,
рубанок, деревянный молот, клин, рукоятка печатного
станка,

Стул, бочка, обруч, стол, калитка, флюгер, оконница,
Рабочий ящик, сундук, струнный инструмент, лодка, сруб,
и чего еще нет,
Капитолий Штатов, и капитолий народа Штатов,
Длинные стройные ряды построений в аллеях, прибежища
для сирот или бедных и больных,
Пароходы и клиппер Мангаттана, измеряющий все моря?
Виденья встают.
Виденья всяческих применений топоров, и тех, что топор
применяют, и всего, что с ними в соседстве,
Дровосеки, что рубят деревья, и те, что сплавляют его
до Пенобскота или Кеннебека,
Жители хижин среди гор, Калифорнии или близ малых
озер, или вдоль течения Колумбий,
Те, что на юге живут, на берегах реки Гили или Рио-Гранде,
сердечные сборища, забавы, характеры,
Те, что живут вдоль реки святого Лаврентия, или на север
в Канаде, или по низовью, и жители вдали
от прибрежий,
Ловцы тюленей, китопромышленники, моряки полярные,
проламывающие проход сквозь лед.
Виденья встают.
Виденья мануфактур, арсеналов, плавлен и рынков,
Виденья железных дорог, что идут в два ряда,
Виденья мостов с поперечинами, обширные срубы, ряды
перекладин и своды,
Видения целых флотов, баржи, суда на буксире, озерные
суда, и речные, и те, что каналы обслуживают,
Верфи и доки сухие вдоль Восточных и Западных морей,
и во многих бухтах, и в глухих местах,
Кильсоны из красного дуба, сосновые доски, обшивные
деревья для мачт, кривизна коленная корневидная
лиственницы,
Сами корабли на путях своих, леса, что встали рядами,
рабочие внутри, рабочие вне, за работой,
Рабочие инструменты, повсюду лежащие, большой бурав
и малое сверло, струг, стержень, шнур, наугольник,
долот и рубанок,

Виденья встают.

Виденье того, что меряют, пилят, стругают, соединяют,
раскрашивают,

Видение гроба для мертвого, что будет лежать там в саване,

Виденье того, что колонками стало, колонки кроватей,

колонки кровати супруги, едва лишь обвенчанной,

Виденье корыта малого, виденье доски для качанья

колыбели младенческой,

Виденье полов, половиц под ногой плясунов,

Виденье половиц семейного дома, дома, исполненных

дружбы, детей и родителей,

Видение кровли дома счастливых двоих, молодого мужчины

и женщины, кровля над счастливо обвенчанными

молодым мужчиной и женщиной,

Кровля над ужином, что радостно приготовлен

целомудренной женой, и радостно съеден

целомудренным мужем, довольным после

работы дня.

Виденья встают,

Видение места того, где находится узник в суде, и того,

кто сидит на том месте, она или он,

Видение стойки кабацкой, оперлись о которую юный

пьяница вместе с пьяницей старым,

Видение лестниц пристыженных и гневающихся оттого,

что ползучие ступают по ним шаги,

Виденье лукавой кушетки, и на ней нездоровая пара

прелюбодейная,

Виденье стола игрального с его дьявольскими выигрышами

и проигрышами.

Виденье ступенек, по которым восходит изобличенный

и осужденный убийца, сам убийца с диким лицом

и с руками окованными,

Шериф и при нем помощники, безмолвный народ,

побледневшие губы толпы, качанье веревки.

Виденья встают.

Виденья дверей, что дают много входов и выходов,

Дверь, чрез которую быстро входит друг после долгой

разлуки,

ПЕСНЬ РАССВЕТНОГО ЗНАМЕНИ

Поэт

О, новая песнь, свободная песнь,
Ты бьешься, ты бьешься, ты бьешься, ты бьешься,
Зовы тебя порождают и четкий напев голосов,
Голос ветра и зов барабана,
Голос знамени, голос ребенка, и голос моря, и голос отца,
Низко здесь на земле и высоко там в воздухе,
На земле, где стоят отец и ребенок,
И в воздухе вышнем, куда глаза устремляются,
Где бьется рассветное знамя.

Слова! Что вы, мертвые книжности?
Нет больше слов, ибо глядите и слушайте:
Песня моя здесь звучит на открытом воздухе,
Я должен петь вместе с знаменем, с бранным стягом.
Скручу я струну и вкручу в нее
Желанье мужчины, желанье ребенка, я вкручу их в нее,
Жизнью струну я наполню.
Я вмещу в нее яркий конец штыка;
Я вкручу в нее пули и свист картечи
(Как тот, кто несет угрозу и символ далеко в грядущее,
С голосом трубным крича: *Пробудитесь, восстаньте!*
Пробудитесь, восстаньте!);
Я стих изолью с потоками крови, полный волненья
и радости.

Стих текущий, иди же, скорее, соперничай
Со знаменем, знаменем бранным.

Знамя

Сюда, ко мне, певец, певец,
Сюда, ко мне, душа, душа,
Сюда, ко мне, ребенок малый,
Мы будем в облаках носиться,
С ветрами будем мы играть,
С ветрами будем мы кружиться,
С безмерным светом веселиться.

Ребенок

Отец, скажи, что там в небе манит меня длинным пальцем,
И что это мне в то же время говорит, говорит?

Отец

Ничего, дитя, ты не видишь в небе,
Посмотри, там в домах, сколько ярких вещей,
Открываются лавки меняльные,
Посмотри, приготовилось сколько повозок,
Чтоб ползти среди улиц с товарами;
Сколько ценностей в них, и труда сколько вложено,
Как желает их вся земля.

Поэт

Свежим и розово-красным Солнце восходит все выше,
Море в дали голубой плывет и бежит и плывет,
Ветер над лоном морским веет, стремится к земле,
Ветер сильный идет с Запада, с Юго-Запада,
Пеной молочно-белой играет над гранью вод.
Но я-то не море и не красное Солнце.
Я не ветер с ребяческим смехом его,
Я не ветер безмерный, который крепчает,
Я не ветер, который и хлещет и бьет,
Но я тот, кто незримый приходит, поет,
Прихожу и пою, и пою, и пою.
Я тот, кто лепечет в ручьях и в дождях.
Я птицам известен в полях и в лесах,
Они мне щебечут и утром и вечером,
Я тот, кто известен прибрежным пескам,
И знают шипящие волны меня,
И знамя и бранное знамя,
Что мечется, бьется вверху.

Ребенок

Отец, да оно живое,
Как там много людей — там дети,
Вот, мне кажется, вижу, оно
Говорит с своими детьми.
Я слышу — оно говорит и со мной.

Как это волшебнo!
О, оно расширяется, быстро растет, отец,
Оно покрывает все небо!

О т е ц

Перестань, перестань, глупый мальчик,
То, что ты говоришь, печалит меня,
И мне очень не нравится;
Смотри с другими, опять говорю,
Смотри не вверх, на знамена,
Взгляни, мостовая какая внизу,
И заметь, как прочны дома.

З н а м я

Говори с ребенком, певец,
Говори всем детям на Юг и на Север,
Все забудь, укажи этот день,
Я вьюсь, развеваюсь по ветру.

П о э т

Я вижу не эти лишь полосы знамени,
Я слышу раскатные топоты армий,
И слышу я оклик, зовет Часовой,
Я слышу ликующий вопль миллионов,
Я слышу Свободу в воззваниях людей,
Гремят барабаны, безумствуют трубы,
Я сам между ними — восстал, и лечу,
Я вольная птица лесов и утесов,
Я вольная птица морей,
С высот я взираю, на крыльях, на крыльях,
И мне ли пленительный мир отвергать!
Я вижу бесчисленность пашен, амбары.
Я вижу работы, я вижу рабочих,
Я вижу несчетность телег и телег,
Я вижу, я слышу, летят паровозы,
Я вижу огромные мощные склады,
Я вижу на Западе груды зерна,
Над ним, задержавшись, я рею,
Я вижу на Севере лес строевой,
И вновь я на Юге, и всюду работа,
Окинувши целое зорким оглядом,

Я вижу, как ценны сбирания и жатвы.
Я вижу, что значит единство великих,
Надменных, в единое слитых владений
(А сколько их будет еще!),
Я крепости вижу над гулом портовым.
Приходят, уходят, плывут корабли,
И все же, и все же, над всем этим миром
Подъемлю я малое длинное знамя,
Возникшее в виде меча!
Проворно летит оно, мечется,
Войну указуя и вызов,
Мой стяг уже поднят над глыбами зданий,
Грозит лезвеем это звездное знамя,
Прочь мир от земли и воды!

З н а м я

Все громче и громче, сильнее, смелее,
Все дальше и дальше, певец!
Пронзи своим голосом воздух,
Не мир и богатства показывай детям,
Довольно об этом, мы ужасом будем,
Теперь уж мы ужас, теперь мы резня!
Что значит обширность, надменность владений,
Их пять или десять, их сколько, их сколько?
И сколько там складов и лавок меняльных?
Все, все это наше, все земли, все воды,
И море, и реки, и нивы, и доли,
Для нас паруса кораблей,
Для нас эта ширь многотысячноверстная,
Для нас города с многолюдным их грохотом,
Для нас миллионы людей, —
О, вождь, ты — и в жизни и в смерти верховный,
Смотри, мы высоко, мы бранное знамя,
Так пой же не только для этого дня,
На тысячу лет спой теперь эту песню,
Для малой, для детской души!

Р е б е н о к

О, отец, я домов не люблю,
Никогда их любить я не буду,

И монеты не нравятся мне,
Но хотел бы подняться я вверх,
Отец, мой отец, это знамя люблю я,
Я хотел бы и должен стать знаменем.

О т е ц

Мальчик родной, ты тревогой меня исполняешь.
Этим знаменем быть — слишком было бы страшно,
Мало ты знаешь о том, что такое сегодняшней день,
И что после сегодня, всегда, навсегда,
Здесь выгоды нет никакой,
А опасность на каждом шагу,
Выйти во фронт и стоять перед битвами,
И какими еще! —
Что у тебя с ними общего?
Со страстями неистовых, с этой резней, с преждевременной
смертью?

З н а м я

Так вот, я пою эту смерть и неистовых,
Все сюда, да, всего я хочу.
Я — бранное знамя, подобное видом мечу!
Новый восторг, испуганный,
И стремленья детей, этот лепет их,
Со звуками мирной земли я солью,
И с влажными всплесками моря,
Корабли, что на море сражаются в дыме,
И лдяность холодного дальнего Севера,
С шелестеньями кедров и сосен,
И дробь барабанов, и топот идущих солдат,
И Юг с его солнцем горячим,
И белые гребни заливной волны
Берегов Востока и Запада,
И все, что замкнуто меж ними,
Водопады и реки бегущие,
И горы, и поле, и поле, и лес,
О, весь материк в его целости,
Без забвенья малейшего атома,
Все сюда, что поет, говорит, вопрошает,
Все сюда, мы вберем и сольем это все,

Мы хотим, мы возьмем, мы берем, мы поглотим,
Довольно улыбчивых губ
И музыки слов поцелуйных,
Из ночи восставши для дела благого,
Теперь уж не вкрадчиво мы говорим,
А как вороны каркаем в ветре!

Поэт

Крепнет все тело мое,
Жилы мои расширяются,
Все ясно теперь для меня!
Зная, как ширишься ты, приближаясь из ночи,
Я тебя воспеваю надменно,
Я тебя возглашаю решительно,
Я прорвался, и нет больше пут,
Слишком долго я глух был и слеп,
Мой голос ко мне возвратился,
Мой глаз и мой слух утончились,
Ребенок их мне возвратил!
Я слышу, о, бранное знамя,
Твой насмешливый зов с высоты,
Безумный! Безумный! О, знамя,
Но я же тебя пою!
О, да, ты не тишь домов,
Ты не пышность и тяжесть богатства,
Возьми здесь любой из домов,
Коли хочешь, любой здесь разрушь,
Ты их разрушать не хотело,
Но разве им можно стоять
Хоть час, если ты не над ними?
О, знамя, не ценность ты вещи,
Тебя не купишь на деньги,
Но что мне все внешности жизни,
Что пристани мне с кораблями,
Вагоны, машины, машины, —
Тебя лишь отсюда я вижу,
Из ночи, но с гроздьями звезд!
Ты света и тьмы разделитель,
Ты воздух вверху разрезаешь,
Ты солнечным блеском согрето,

Ты меряешь пропасть небес!
В то время, как дельные — с делом,
Толкуют — про дело, про дело,
Ребенку ты вдруг полюбилось,
Ребенок увидел тебя!
О, ты, верховодное знамя,
О, стяг боевой и змеинный,
В выси недоступной змеєю
Ты вьешься и ты шелестишь.
Ты образ, ты только идея,
Но кровь будет здесь проливаться,
И яростно будут сражаться,
И как ты возлюблено мной!
Над всеми и всех призывая,
И всеми державно владея,
Ты вьешься рассветное знамя,
Являя нам звездный свой лик!
И всех я и все оставляю,
И вижу лишь бранное знамя,
И знамя одно воспеваю,
Которое в ветре шумит!